

АЛЕКСАНДРА БАЎТ

КЛУБ
ПРОПАВШИХ
БЕЗ ВЕСТИ

Москва
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б18

Художественное оформление серии *Г. Ганжи*

Байт, Александра.

Б18 Клуб пропавших без вести / Александра Байт. — Москва : Эксмо, 2023. — 512 с.

ISBN 978-5-04-189683-6

Рита получает странное задание: взять интервью у человека, который мертв уже тридцать лет. На кону — должность главного редактора. Но после смерти соперника то, что начиналось как азартное журналистское расследование, вдруг превращается в опасное для жизни противостояние.

Подмосковная глубинка, где люди ищут покоя и тишины, оказывается полна страшных тайн, заставляющих Риту мысленно возвращаться к клубу психологической помощи и его злому Гению.

Выхода нет: придется обыграть призраков Графского леса, которых местные зовут «живыми мертвецами», и оставить прошлое в прошлом.

На чаше весов — жизнь, в рукаве — пара козырей, в сердце — таинственный поклонник. Что же станет выигрышем?

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-189683-6

© Бузина А., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Все персонажи и события являются
вымышленными.

Любые совпадения с реально живущими или жившими людьми случайны.

Пролог

— Видите ли, Рита, существует некая субординация. Команда. Чувство локтя, наконец, — громко проскрипел в ушах противный голос менеджера по персоналу, этой гарпии, строившей из себя «железную леди». — Вы числитесь в редакции вот уже несколько месяцев, но явно не разделяете принципы нашей работы. То, что для нас рейтинг, для вас «желтизна». Откуда эти совестливые призывы к «качественной журналистике»? Зачем ставить себя выше коллектива? И, в конце концов, если вся команда сидит до пяти утра, сдавая очередной номер, вас это тоже касается!

На этих словах я, доселе пребывавшая прямо-таки в змеином трансе, встрепенулась. Нет, это просто верх... всего!!! Наглости, цинизма, несправедливости! Глаза заволокло красной пеленой ярости, и мне вдруг стало совершенно все равно, что сейчас я потеряю свою не ахти какую должность.

— Прежде всего надо не сидеть, а работать. И делать это в отведенные сроки, тогда не будет необходимости сдавать номер в пять утра. Ежемесячный формат вполне это позволяет. Хотя если у вас заведено иначе, почему бы и нет? Я не против. Только вы и ваш дражайший коллега, — я кивнула в сторону главного редактора, хлопавшего глазками с обычным видом чудака, охлобученного

пыльным мешком в темном переулке, — который месяц игнорируете мое присутствие. Мне просто не дают работу — зато за спиной шушукаются, что я никак не могу себя проявить! В вашем расчудесном коллективе со мной не разговаривают — и как, спрашивается, мне понять, что нужно потрудиться сверхурочно?

— А это... это... — гарпия на мгновение смешалась, ведь сказала я чистую правду, — ...это надо чувствовать!

Все. Дальше можно было не продолжать. Я прекрасно знала все свои недостатки, и толстокожесть вкупе с отсутствием коммуникабельности в их число не входила. Меня самым банальным образом выживали — именно это, а не горячее желание моей профессиональной помощи, я здесь и чувствовала. И зачем я ухватилась за предложение знакомой, ценившей мои журналистские навыки, обратить внимание на этот проект? Для чего поверила посулам владельца серьезного издательского дома, решившего начать выпуск глянцевого журнала о знаменитостях? Да еще и нарисовала себе радужные перспективы, получив приглашение в пресловутую команду первой — даже раньше главного редактора?..

Моральная экзекуция была закончена. Мы ни о чем не договорились, да и распекавшая меня парочка явно не была расположена к конструктивному диалогу с «отступницей». Бросаться за защитой к издателю? Гиблое дело! Вопрос встанет просто: или я — или они. И, очевидно, выбор шефа будет не в мою пользу. Хотя бы из-за численного перевеса моих недоброжелателей.

Я поднялась и на ватных ногах зашагала к двери. На пороге меня нагнал главный редактор, наши взгляды встретились... Как-то моя лучшая подруга, психолог, рассказывала об исследовании своих коллег, признавших главным негативным чувством презрение. Не гнев и ненависть, а донельзя унижавшее неуважение самой отмен-

ной марки, этакое сконцентрированное пренебрежение. Вроде того, что, клянусь, совершенно непроизвольно в эту самую секунду отразилось на моем лице. Как говорится, получите и распишитесь. Такое не прощают. После этого мне оставалось лишь одно — уйти, сохранив остатки достоинства.

Добравшись до своего стола, я на автомате выключила компьютер и собрала те нехитрые вещички, что окружали меня на протяжении нелегких четырех месяцев. Пискнул телефон, и на экране высветилось сообщение от младшего редактора Катюши, сидевшей этажом ниже, — единственного человека, который отнесся здесь ко мне по-дружески: «Ну как???» С ней я могла обойтись без объяснений — подобно остальным добросовестным, а потому донельзя затюканным сотрудникам, которых здесь было наперечет, она не работала, а терпела. «Не могу больше. Ухожу», — напечатала я. В ответ тут же прилетело: «Не пори горячку, задержись хотя бы на десять минут. Шеф здесь, я постараюсь замолвить за тебя словечко».

Катюше я верила безоговорочно. Да и как могло быть иначе с этой кристальной чистоты девушкой, давшей мне немало дельных советов? В отличие от меня она терпеливо, с улыбкой, сносила все придирки начальства. И, похоже, все-таки находилась на своем месте, раз всегда «чувствовала» правильно — и частенько просиживала над чужими заданиями до утра.

Хорошо, подожду. Пусть Катюша перехватит владельца издательского дома и изложит ему мою версию конфликта: я не лентяйка и не саботажница, мне просто не дают работать!

Уставившись в окно, я захлопала ресницами, чтобы не заплакать. Мой слог всегда хвалили — с какой же стати тут не доверяют написать ни строчки? Почему коллеги будто не слышат мои идеи, а потом, распахивая друг дру-

га локтями, несутся к главному и излагают их же, выдавая за свои собственные? И, в конце концов, зачем в погоне за рейтингом скатываются на откровенно скандальные, а то и оскорбительные для героев материалы? Возможно, я излишне наивна, но можно ведь писать увлекательно и при этом достойно. Мне известно, как это делать, дайте только шанс!

Я с трудом высидела обещанные десять минут, вздрагивая от каждого шага за дверью. Собственно, так я и провела здесь все это время, тонко улавливая недовольство своей персоной и переживая насмешки коллег. «С чужими не работаю», — именно такую фразу, по словам Катюши, произнес приглашенный «со стороны» главный редактор, едва переступив порог издательства. Моя приятельница была «чужой» — вот и переехала этажом ниже, что свело ее контакты с главным к минимуму. Я тоже была «чужой» — и не просто «чужой», а мозолившей глаза «чужой», перспективной, способной и честолюбивой «чужой». Вот меня и «ушли»...

— Маргарита, вы хотели со мной поговорить?

Погрузившись в невеселые раздумья, я и не заметила, как дверь бесшумно распахнулась и в облаке дорогущего парфюма в комнату вплыл издатель собственной персоной. Вальяжный, с горделивой поступью и густой гривой темных волос, он напоминал роскошного льва и теперь взирал на меня из-под тяжелых век с ленивой царственностью. Причем — вот сюрприз! — чуть ли не благоклонно.

— Разговаривать, собственно, не о чем. — Все, я перешила, перегорела, и сейчас мне хотелось лишь одного: убраться отсюда поскорее. Не сводя с издателя метавших яростные молнии глаз, я резко выдвинула ящик стола, схватила заявление об увольнении, написанное еще месяц назад, и швырнула «царю» этого примитивного без-

дарного «зверинца». — Избавляю вас от своего присутствия. На этом позвольте откланяться.

Я рванулась с места как испуганная газель, но издатель остановил меня новым воодушевляющим взглядом. И, став прохаживаться перед столом, заговорил, властным взмахом руки упреждая мои возражения.

— Я благодарен вам за попытку хотя бы таким образом разрешить конфликт. Остальные мои подчиненные, боюсь, слишком для этого трусливы, — хмыкнул он, покрутив в пальцах заявление, и уже доверительным тоном продолжил: — Маргарита, не поверите, но мы с вами оказались в весьма похожих ситуациях. Ваши надежды на эту работу явно не оправдались. Как и мои надежды — на работу команды, выпускающей журнал.

Я выжидающе молчала, не понимая, куда он клонит. Да, мои иллюзии развеялись в рекордные сроки, но какой смысл тратить время на пустые сетования? А его хваленая команда — отныне не моя забота.

— Как вам известно, мы сделали ставку на собственные материалы, решив пользоваться зарубежными по минимуму. Но качество нашего контента существенно уступает переводному, а последний изобилует самыми возмутительными опечатками. Рекламщики промахнулись с целевой аудиторией, работа редакции до сих пор не налажена, и, как следствие, мы не выдерживаем конкуренции. Наши деловые партнеры, мягко говоря, недовольны. А причина происходящего известна и вам, и мне. — Он многозначительно помолчал и вымолвил: — Рыба гниет с головы.

Что ж, еще некоторое время назад я пыталась донести нечто подобное до коллег. И, кстати, до самой «головы», ведя яростные, с открытым забралом, споры. Какое там, с тем же успехом я могла останавливать цунами, размахивая руками! Деятельность редакции велась под девизом

«День прошел, и слава богу» — никого, кажется, не волновал тот факт, что издание катится в тартарары с рекордной скоростью.

— Буду с вами предельно откровенен. Необходимость перемен назрела давно, но в данный момент я не могу распустить команду. Мы завязаны на сроках типографии и рекламе, в таких условиях не до революций. Но в пределах трех-четырех месяцев все должно измениться! — решительно провозгласил издатель. — Для начала я всерьез подумываю сменить главного редактора.

Теперь уже замолчал он, выразительно глядя на меня сверху вниз.

— И при чем здесь я? — Не то чтобы смысл его туманной речи не дошел до моего сознания, просто хотелось услышать нечто ясное, конкретное. А то и перспективное.

— На данный момент у меня две кандидатуры. Два профессионала, опытных, целеустремленных и смелых. Два подхода к работе, два видения развития журнала. — Он застыл на месте, задумчиво поглаживая гладковыбритый подбородок. — Мне предстоит нелегкий выбор: сделать ставку на качественный контент, максимально деликатное, но откровенное освещение жизни звезд либо поставить во главу угла сенсации со скандальным налетом, неважно, реальные или вымышленные. И то и другое — риск. На кону, ни много ни мало, будущее даже не журнала — всего издательского дома.

Подумать только, а я не желала верить Катюше, исправно доносившей до меня гулявшие по коридорам сплетни! Поговаривали, что наш «царь», свято уверовавший в успех предприятия, ухлопал на запуск издания неприлично круглую сумму, и теперь любой неверный шаг, суливший отток рекламодателей, мог поставить его компанию на грань банкротства.

— Не буду ходить вокруг да около. Как вы уже наверняка догадались, первая кандидатура — ваша. Личность конкурента вам хорошо известна...

Похоже, на моем лице ясно отразилась вся гамма чувств, от недоумения до ненависти, раз издатель понимающе ухмыльнулся.

— Да-да, вы верно поняли. Теперь от вас двоих требуются четкие, подробные планы деятельности издания. Но решающим будет не это. Мне хотелось бы видеть главным редактором настоящего профи, увлеченного своим делом, обладающего лидерскими качествами. Но прежде всего талантливого журналиста, способного справиться с любым заданием. По-моему, будет справедливо, если мы устроим что-то вроде конкурса.

— Конкурса? — переспросила я, сбитая с толку его напором и неожиданным предложением.

Издатель кивнул.

— Нам нужна «бомба». Вам двоим предстоит разобраться в освещавшейся пару раз лишь мельком, по-настоящему скандальной и загадочной истории. Из тех, что позволит нашему журналу громко заявить о себе и своих претензиях на лидерство в секторе развлекательных изданий. Работаете поодиночке, в равных условиях, представляете в итоге по материалу — и я принимаю решение. Все честно, не так ли?

Я рассеянно подернула плечами, лихорадочно обдумывая его слова. Чистой воды авантюра: вот так, с бухты-барухты, броситься в распутывание какой-то сенсационной тайны! Причем в совершенно неподходящий момент, когда я измотана личными переживаниями, не говоря уже о профессиональных неудачах. А ведь казалось, что привычка невольно впутываться в приключения безвозвратно меня покинула...

С другой стороны, что я теряю? И так ведь собиралась увольняться, в худшем случае лишь продлю эту журналь-

ную агонию! Впрочем... А почему я обязательно должна проиграть? В душе вдруг шевельнулся основательно подзабытый азарт. Мне выпал невероятный шанс проявить способности, поставить на место обидчиков и, главное, возглавить издание с мировым именем! В ушах сладостно зазвучали литавры грядущей победы, и я, толком ничего не осмыслив, по привычке рубанула с плеча:

— Я в деле. О каком именно материале идет речь?

Шеф одобрительно кивнул, похоже, уже предвкушая яростное сражение «акул пера».

— Мне нужно, чтобы вы взяли интервью, — веско, чеканя каждое слово, изрек он и, выдержав интригующую паузу, уточнил: — Интервью у покойника.

Глава 1

— Что еще за любитель спецэффектов? Видимо, он из скандальных писак, способных под заголовком «Сексуально озабоченный оборотень-людоед ступил на тропу геронтофилии» продать невинную сказку о Красной Шапочке. Сколько раз я на такое покупалась: на обложке — громкая сенсация, а внутри такая скука, что мухидохнут! Или... — Зеленоватые глаза Аньки осветились надеждой. — Слушай, Ритуля, может, у него острая фаза шизофрении, с галлюцинациями, вот покойники и мерещатся? Не замечала за ним резкой смены настроения, агрессии, мании преследования, нервных срывов, иллюзий, бредовых идей? Хотя вряд ли, конечно. На такую удачу рассчитывать не приходится...

Я иронично хмыкнула. Редкая удача, ничего не скажешь. Лучшая подруга, решив сказать свое слово в науке, усиленно готовилась к поступлению в аспирантуру — и в каждом встречном видела живое пособие из учебника по клинической психологии. Все-таки на удивление неутомимая натура эта Анька, словно ей и без того не хватает забот на рабочем месте, в центре помощи зависимым!

— Нервный срыв, похоже, скоро будет, ведь его бизнес висит на волоске. Бредовые идеи? А как же, вагон и маленькая тележка. Прежде всего отыскать человека,

который умер лет этак тридцать назад, и... взять у него интервью! Причем в обстановке строжайшей секретности, чтобы конкуренты, оборони Создатель, не пронюхали. А вдобавок сделать это лучше и быстрее второго претендента на лакомую должность... угадай кого? — Глаза Аньки с изумлением, догадливо распахнулись, и я кивнула. — Ага, моего главного «друга» в редакции, Живчика.

Подруга поперхнулась коктейлем, подняв в бокале громкое неделикатное бульканье и обратив на себя внимание людей с соседних столиков нашей любимой кафешки.

— Того придурка, который предлагал сочинять скандальные истории, привлекая к этому «сбитых летчиков» из второсортного актерского эшелона? — хохотнула она, и я снова кивнула. — Того самого, для которого ты придумала сто с лишним способов убийства?

— Вообще-то сто сорок два, — с достоинством ответствовала я, вспомнив, как однажды угробила на это целый рабочий день. А что еще было делать, если меня по его милости в очередной раз «забыли» позвать на редколлегия, а потом битый час распекали за равнодушие и лень? — Но потом остановилась на одном: снять с ноги туфлю и со вкусом пришить в лепешку, оставив лишь мокрое место. Это же надо так меня довести!

— Кстати, а с чего началась ваша вражда? — Анька с любопытством подалась вперед. — Знаю, что он регулярно тебя подставляет, но неужели просто так, с бухты-барахты, проникся ненавистью? Наверняка была какая-то причина.

— Была, и не одна. Я не рассказывала тебе, не хотелось копаться в этой гадости, но... ладно. — Я махнула рукой, сдаваясь. В конце концов, за последнее время, после череды выпавших на нашу с Анькой долю пережива-

ний, подруга значительно прибавила в профессиональном плане. Она успешно помогала попавшим в беду людям — и даже избавила одного парня от серьезной игровой зависимости. Вдруг и мне подскажет что-нибудь дельное...

* * *

Итак, началось это в апреле. Нет, если быть совсем точной, в начале марта, ведь именно тогда появились первые намеки на нашу с коллегой неприязнь. Я только-только присоединилась к редакции, ухватившись за удачно подвернувшееся предложение и решив внять совету Аньки все-таки выйти из зоны комфорта. Что означало перестать наконец сидеть в четырех стенах, беречь толком не затянувшиеся душевные раны и к тому моменту вот уже полгода оплакивать свое горе.

Он бесцеремонно влетел в комнату, не дав толком освоиться на новом месте, и легко вспорхнул прямо на мой стол, чуть не свалив монитор. Потом бегло представился и зататорил, как из пулемета: работает в издательском доме давно, сейчас волей шефа все его творческие силы брошены на новый журнал, будем трудиться вместе и, как он надеется, подружиться. Последнее словно вылетело из его уст многозначительно, сопровождаясь тяжелым похотливым взглядом, которому, видимо, полагалось быть обольстительным.

Я отмахнулась от первого нелестного впечатления, но после нескольких дней подобного «общения» не знала, куда деться от назойливого коллеги, которому вздумалось меня опекать. Его было слишком много: он носился по этажам, отвлекая сотрудников издательского дома шумными байками, поучал каждого встречного, как раскручивать наше издание, и, главное, фонтанировал идеями межгалактического масштаба, одна возмутительнее дру-

гой. То предлагал разбить семью известного актера, примерного семьянина, «подсунув» ему какую-то невиданной красоты модель, то обещал организовать сенсационное — и липовое — разоблачение вполне себе благонаправной и уже немолодой певицы, присочинив ей пару якобы брошенных в свое время детишек...

— А не проще ли отнестись к людям — и к героям, и к читателям — с уважением? — не выдержала один раз я. — У нас достойное издание, и надо позиционировать себя именно так. Хайп, скандалы, смазанные фото от папарацци — кого сейчас этим удивишь? Люди давно перестали верить подобной чепухе! Лучше попробовать «разговорить» знаменитость, сделать красивую фотосессию, раскопать что-то по-настоящему увлекательное, но правдивое. Уверена, нам пойдут навстречу, ведь популярность нужна всем. Постепенно звезды и продюсеры начнут доверять, станут подкидывать самый эксклюзив. А будем выдумывать, да еще так, без зазрения совести, потом от судов не отобьемся!

— Ну и плевать, пусть судятся, — беспечно брякнул бойкий коллега, но, заметив красноречивый взгляд издателя, внимательно следившего за нашими дебатами, тут же осекся и стал выкручиваться. — Это я, конечно, хватил, лишних проблем нам не нужно. Просто увлекся и неверно донес мысль. Давайте выдумывать — но так, чтобы было не подкопаться. В конце концов, в этом и заключается мастерство журналиста. И я владею им блестяще, столько лет опыта!

Нисколько не сомневаюсь. Ничего себе, «журналист»! Потеряв от возмущения дар речи, я утомленно взирала на неугомонного, нагловатого, беспринципного, никак не желавшего затыкаться... — как бы его обозвать? — Флюгера, Шута горохового, Фигляра, Кривляки? Нет, прозвище «Живчик» подходило ему лучше всего, ведь он метал-

ся по редакции с такой энергией, что меня укачивало от его прыжков...

С тех пор мы регулярно спорили о путях развития журнала, но это вполне могло сойти за рабочие моменты. Следующий «звоночек» раздался во время празднования в редакции Женского дня, когда Живчик, пробравшись ко мне с двумя бокалами в руке, пытался уговорить меня потанцевать. Я вежливо отказывалась — настроения развлекаться не было, да и на этот междусобойчик я согласилась скрепя сердце, только чтобы коллеги не сочли меня замкнутой высокомерной гримзой.

— Да ладно тебе, расслабься, — не отставал «оболститель», сверкая сальными глазками. — Выпей хорошенько, все свои, кого стесняться? Потанцуем, пообщаемся, познакомимся поближе. Помнишь, мы ведь хотели подружиться? Ну же, брось ломаться, Ритка!

От ярости у меня потемнело в глазах. Он мог сколько угодно ставить под сомнение мою профессиональную компетентность, с оскорбительной снисходительностью напоминая о своем опыте. Мог врывать ко мне без стука и битый час восседать на столе, загораживая монитор и мешая работать. Мог «ездить по ушам» весь день с бахвальством и напором, от которых у меня разыгрывалась мигрень. Мог просто быть самим собой: ушлым недалеким хамом, которого так и тянуло придушить голыми руками, — мог делать что угодно, но сломалась я на этом фамильярном небрежном «Ритка».

Так меня иногда называли лишь двое. Два по-настоящему близких мне человека, одного из которых уже не было на этом свете. Из уст Ани «Ритка» звучало по-своейски тепло, лишней раз напоминая о долгих годах самой искренней и верной дружбы, начавшейся еще в школе. А мой прекрасный во всех смыслах слова любимый проносил это с особенной нежностью, крепко сжимая меня

в кольцо сильных надежных рук. Теперь же Живчик бросил мое имя пренебрежительно, надменно, с явственно уловимым оттенком похоти.

Злость уже клокотала внутри, грозя вот-вот вылиться в порцию крепких, вполне достойных его гнусного «журналистского мастерства» словечек, но я колоссальным усилием воли остановила этот порыв. Не стоило в самом начале работы портить отношения с коллегой. Который с первого дня отнесся ко мне вполне дружелюбно и к тому же был не в курсе моих сокрушительных жизненных трагедий.

— Прости, но... нет. Никаких танцев и прочего, — покачала головой я. Мне не хотелось ни излишне откровенничать, ни обижать его, поэтому «золотая середина» показалась уместной. — Между нами, я переживаю тяжелый момент, никак не оправлюсь от потери близкого человека. В такой ситуации не до развлечений.

По наивности я надеялась на понимание, но Живчик, будто не слыша отказа, продолжал виться рядом. Я вытерпела еще несколько минут его присутствия — как говорится, ради приличия, — а когда стало совсем невмоготу, выждала удобный момент и по-английски слиняла домой. Оставалось только надеяться, что после этого он отстанет. Да еще и разболтает о моем печальном настроении остальным, надолго отбив у них охоту лезть с ненужным общением.

Живчик действительно снизил активность. Теперь он появлялся в моей комнате гораздо реже, а на редколлегиях спорил яростнее. Сослуживцы и правда стали меня сторониться — не знаю, что он им наплел, только меня это искренне встревожило. Одно дело — ждать от других деликатности, так необходимой в моем удрученном состоянии, и совсем другое — постепенно становиться изгоем. Тем не менее в редакции еще соблюдалось подобие

приличий, и паниковать по поводу откровенной травли было преждевременно.

Гром грянул через месяц, когда глава издательского дома собрал всех сотрудников в ресторане по случаю годовщины основания компании. Очень кстати вышел первый номер журнала, так что шеф решил «обмыть» сразу два события, сплотив собравшуюся под его руководством команду. Ближе к концу торжества, когда гости, основательно загрузившись блюдами и напитками, пустились в пляс, Живчик снова причалил к моей скромной персоне. Поспешив отказаться от очередных танцев, я скрылась от него в дамской уборной, разрабатывая план бегства.

Через несколько минут, предусмотрительно высунув голову из двери, я убедилась, что путь свободен. Требовалось быстро проскользнуть в зал, попрощаться с остальными и, стараясь не привлекать внимание горе-кавалера, нестись в гардероб. Довольно резво одолев половину пути, я притормозила, услышав неподалеку громкие мужские голоса. Спрятавшись за угол, я заметила, как Живчик выбрался в коридор в компании своего приятеля по редакции, чуть менее развязного, но столь же никчемного.

— Да погоди ты, сейчас выйдет. — Основательно набравшийся коллега дернул моего «ухажера» за рукав и мерзко захихикал. — Может быть, она как раз для тебя прихорашивается!

— Ага, от нее дождешься! Плела мне в прошлый раз какую-то чушь, чуть ли не в трауре она. Ты в это веришь? — развел руками Живчик. — Хотя всегда в темном, факт. По-моему, просто выслуживается перед шефом, вот, мол, какая я вся из себя деловая, даже дресс-код соблюдаю! Фу, подлиза!

Так-так, интересенько... Стараясь не дышать, я вся обратилась в слух. Не каждый день узнаешь, что думают о тебе окружающие!

— Корчит из себя монашку! — поддакнул первый и снова гаденько засмеялся. — С такими-то сиськами!

— Мне больше задница нравится, — авторитетно изрек Живчик, — так и тянет по ней шлепнуть. Особенно когда начинает со мной препираться. Фигура-то ничего, но характер... Надменная стерва, еще морали читает! Да мне одного взгляда на нее хватило, чтобы все понять.

— Хорошо ты нам рассказал. — Приятель, которого «забирало» на глазах, похлопал его по плечу. — Теперь все знают, что у нее виды на издателя. Мы-то для такой, конечно, тьфу, мусор, ей кого покруче подавай. Мерзкая бабенка! Неудивительно, все к шефу бегают...

— А что ей еще делать? — У Живчика тоже стал заплетаться язык. — Заметил, какая подавленная в последнее время? Понимает, что профессионально — ноль, только и остается в горизонтальном положении обрабатывать!

И они опять загоготали.

У меня закружилась голова, перед глазами на миг все померкло. Оседая по стенке, я как сквозь пелену слышала новые уничижительные реплики в свой адрес. Так вот в чем дело! Оказывается, за моей спиной давно ходят грязные сплетни. А сочиняет и разносит их узколобый жестокий мерзавец, с какой-то стати сделавший меня объектом своего нелестного внимания.

Вскоре голоса смолкли, и я с грехом пополам добралась до ближайшего окна. Поток прохладного воздуха сразу привел меня в чувство. Да с чего они решили, что могут надо мной издеваться? Безнаказанно выдумывать всякую ерунду? Хватит трусливо пережидать в коридоре, я могу за себя постоять! Мне хочется домой — значит, вернусь в зал, перекинусь парой слов с Катюшей и наконец-то свалю из этого гадюшника. А если кому-то вздумается меня задерживать или оскорблять — им же хуже.

Я решительно развернулась и грозно застучала каблучками. Войдя в зал и с облегчением не обнаружив там Живчика, я направилась к дальнему углу, где в компании других редакторов стояла моя приятельница. Но уйти спокойно мне было не суждено: оказавшись в центре залитого ярким светом люстр пространства, я услышала за спиной до боли знакомый голос.

— Эй, подружка, может, снизойдешь до простых смертных? — Живчик успел основательно набраться и сейчас явно алкал неформального общения. — Я понял, в чем твоя проблема. Мужика тебе не хватает, вот и бесишься, всех презрением обливаешь. Проще надо быть, Ритка! Самой-то не надоело киснуть? Так я тебе помогу!

Не успела я опомниться, как он резко выбросил руку и дернул меня за волосы, которые я сегодня по привычке стянула в тугий пучок. Последние месяцы у меня был более чем серьезный повод носить темное и делать строгую прическу. И разве кого-то должен был волновать мой излишне чопорный, но вполне благопристойный облик?

Шпильки посыпались на пол, волосы волнами разметались по плечам, и окружающие разом смолкли, предвкусывая колоссальную разборку. Я чувствовала, как все, включая нашего всесильного шефа, обратили на нас жадные до скандалов взоры. От негодования меня затрясло так, что я с трудом устояла на ногах.

— Уже лучше, — удовлетворенно хмыкнул Живчик, оценивая дело рук своих. — Хватит выделываться, пойдем танцевать!

Он попытался приобнять меня сзади, и, оглянувшись, я увидела, как его ладонь опасно зависла в воздухе чуть пониже моей спины... Окружающие стояли молча, с интересом наблюдая за «спектаклем» и явно ожидая увлекательной кульминации. Хорошенькое дело, сейчас меня начнут откровенно лапать, и ни один из присутствующих